

УДК 373 "18/19"

РУКОВОДСТВО КАЗАНСКОГО УЧЕБНОГО ОКРУГА И ОТКРЫТИЕ РУССКО-ТАТАРСКИХ УЧИЛИЩ И РУССКИХ КЛАССОВ ПРИ МЕКТЕБАХ И МЕДРЕСЕ (1870–1905 гг.)

Ч.Х. Саматова

Манифестом от 8 сентября 1802 г. в России было впервые создано учреждение, управлявшее сферой народного образования – Министерство народного просвещения (далее – МНП). Логическим продолжением создания вертикали управления стала организация в 1803 г. учебных округов, в том числе Казанского учебного округа (далее – КУО) в составе 11 губерний и 2 областей. На протяжении XIX в. состав КУО менялся. С 1874 г. в КУО входили губернии: Астраханская, Вятская, Казанская, Самарская, Саратовская, Симбирская. В 1893 г. в ведение администрации КУО перешли территории Внутренней Киргизской орды.

В пореформенный период в отношении мусульманских народов был выработан комплекс мер по распространению общего начального образования и русского языка, изложенный в «Правилах» 26 марта 1870 г. Эти задачи решались посредством организации русско-татарских училищ, русских классов при мектебах и медресе.

В разработке «Правил» 26 марта 1870 г. активное участие приняла администрация КУО. Изучив мнения представителей уездных и губернских училищных советов, миссионерских кругов, попечитель КУО П.Д. Шестаков в донесении 3 декабря 1869 г. изложил министру народного просвещения свои «Соображения о системе образования инородцев, обитающих в губерниях Казанского учебного округа». При сохранении общих для всех коренных народов образовательных позиций (орудием

первоначального обучения является родной язык, преподавательские функции в проектируемых школах для коренных народов выполняют единоплеменники, существует необходимость в развитии женского образования), П.Д. Шестаков выступил за необходимость индивидуального подхода к роли родного языка. Последнее ставилось в зависимость от степени интеграции в русскую культуру и склонности к христианской вере коренных народов КУО, которых он условно подразделил на пять групп. Согласно этому принципу татары-мусульмане были отнесены к последней 5-й группе. В отношении них попечитель рекомендовал исключить обязательный характер введения русского языка в конфессиональные школы и дожидаться когда «муллы ... сами пожелают ввести русский язык в свои училища»¹. При этом он придерживался мнения, что татары-мусульмане не нуждаются в отдельных государственных школах, а могут ограничиться лишь обучением русскому языку в мектебах и медресе. В соответствии с этим проектируемые им русско-национальные учебные заведения предназначались, прежде всего, для башкир и казахов. Некоторые предложения П.Д. Шестакова нашли воплощение в «Правилах» 26 марта 1870 г.

Приступая к реализации «Правил» 26 марта 1870 г., П.Д. Шестаков, опасаясь недовольства татарского населения, рекомендовал инспекторам народных училищ при организации учебных заведений нового типа «действовать час-

тными беседами с влиятельными лицами магометанских обществ»² с тем, чтобы инициатива учреждения классов русского языка при мектебах и медресе или русско-татарских училищ исходила не от государственных органов, а от самого татарского общества.

Сдерживающим фактором в деле открытия учебных заведений нового типа являлось незнание инспекторами народных училищ татарского языка и этнокультурных особенностей народа. В связи с этим попечитель КУО П.Д. Шестаков отношением от 10 марта 1871 г. предложил министру народного просвещения учредить особую должность инспектора татарских, башкирских и казахских школ. Д.А. Толстой, следуя рекомендациям П.Д. Шестакова, с 1 января 1872 г. назначил инспектором татарских, башкирских и казахских школ востоковеда В.В. Радлова³.

МНП, желая определиться с динамикой развития сети русско-татарских школ в КУО и предстоящими расходами, отношением от 4 апреля 1870 г. предложило учебной администрации определить местности, где существовала наибольшая потребность в них и их количество. На основании рекомендаций и мнений инспекторов и директоров народных училищ КУО был составлен список поселений, в которых предполагалось в первую очередь открыть школы для татар-мусульман. Речь шла о 32 учебных заведениях, из которых в Казанской губернии предполагалось открыть – 6, Саратовской – 2, Нижегородской – 4, Симбирской – 8, Пензенской – 5, Астраханской – 7⁴.

Правительственные начинания по организации школ нового типа было встречено татарским обществом настороженно. Поэтому в первые годы действия «Правил» руководство КУО открывало русские классы при медресе и русско-татарские школы в принудительном порядке. К 1 января 1874 г. в КУО было организовано 29 специальных учебных заведений для татар-мусульман. 9 из них представляли собой классы русского языка при медресе и

были открыты в Казанской губернии. Русско-татарские училища были организованы в следующем количестве в губерниях: Астраханской – 1, Вятской – 3, Казанской – 3, Симбирской – 5, Пензенской – 7, Уфимской – 1⁵.

Непопулярность среди населения русско-татарских школ объяснялось рядом обстоятельств. Одним из них являлось заложенное в «Правилах» положение о финансировании преподавания исламского вероучения на собственные средства мусульман. В связи с этим В.В. Радлов предложил из направляемых на содержание русско-татарских училищ государственных средств, выделять ежегодно преподавателю мусульманских дисциплин в качестве заработной платы 50 руб.⁶ Эта сумма на практике не стала неизменной константой и незначительно колебалась в сторону увеличения или уменьшения.

Организация русских классов при конфессиональных школах татар встретило еще большие трудности. Приступив к исполнению своих обязанностей, В.В. Радлов довел до сведения духовных лиц требование «Правил» 1870 г. об открытии при руководимых ими школах классов русского языка. Однако большинство мулл, сославшись на невозможность финансировать их за счет средств населения по причине бедности последних, отказалось от введения русского языка в конфессиональные школы.

Председатель Оренбургского магометанского духовного собрания (далее – ОМДС) С.Тевкелев, поддержав идею распространения русского языка среди мусульманских народов, в 1872 г. призвал к содействию этому делу подведомственных ОМДС мулл и ахунов и предложил министру внутренних дел организовать русские классы за счет земских средств.

Против инициативы оренбургского муфтия выступил Н.И. Ильминский, который основывался на том, что, во-первых, ряд мусульманских медресе, в отличие от мектебов имели достаточную для содержания учителя русского

языка материальную базу, а, во-вторых, татары сами не желали принимать помощь от земств. Н.И. Ильминский предлагал ограничиться организацией русско-татарских школ, где русский язык мог занять приоритетные позиции среди остальных дисциплин (математика, исламское вероучение), в то время как в мектебах и медресе «русский язык никогда не примет значительного места»⁷.

Благодаря настойчивости П.Д. Шестакова администрация не только не отказалась от идеи организации русских классов при мусульманских школах, но перешла к практике финансирования их из государственных средств. Участие государства обычно сводилось к оплате труда учителя светских дисциплин, закупке учебных пособий.

Финансирование русско-татарских училищ включало расходы на аренду и содержание помещения, учебные пособия, заработную плату учителю, вероучителю. Финансирование школы происходило в два этапа: единовременное пособие на «первоначальное обустройство» и выделение ежегодных средств на школу. Как правило, одна русско-татарская школа обходилась государству приблизительно в 500 руб. в год. Но следует учитывать, что сумма государственных расходов зависела от ряда факторов, в том числе участия в ее финансировании других институтов (земства, общества). Также администрация КУО не препятствовала содействию частных лиц русско-татарским школам. Но такие случаи были единичны, а финансовая поддержка — незначительна.

Одновременно к финансированию учебных заведений нового типа были привлечены земства. Более того, В.В. Радловым была предпринята попытка сделать финансирование земствами русских классов при мусульманских школах их обязанностью. Такое предложение им было высказано попечителю КУО в докладе от 28 марта 1873 г. Согласно проекту В.В. Радлова, сумма средств земств на эти цели определялась исходя из численности

татарского населения в уезде. Более того, собранные ранее у мусульман земские взносы на развитие образования должны были направляться только на учреждение русских классов при конфессиональных школах. А для тех мусульманских обществ, которые не платили соответствующие взносы на народное образование, В.В. Радлов предложил ввести таковые, в размере 15-20 коп. в год с человека⁸.

Несмотря на то, что субсидирование земствами вводимых «Правилами» учебных заведений для татар не приобрело обязательного характера, некоторые из них включили в сферу своей заботы новый тип учебных заведений. Так, рассмотрев ходатайство инспектора В.В. Радлова, Казанская городская дума в 1872 г. выделила на 1873 г. 560 руб. для русских классов при восьми казанских медресе, из расчета по 5 руб. месячного жалованья учителю, по 10 руб. — на учебные пособия каждому медресе⁹.

Но были случаи, когда органы самоуправления самоотстранялись от их финансирования. В 1886 г. городские управы г. Буинска Симбирской губернии и г. Саратова отказались выделить средства на содержание русско-татарских школ вопреки распоряжению министра просвещения от 4 сентября 1886 г.¹⁰ Казанская городская управа с 1 января 1874 г. прекратило финансирование четырех русских классов при городских медресе¹¹. Отмеченные обстоятельства ставили под угрозу не только существование русских классов при казанских медресе, но и в целом перспективу их развития. В связи с этим министр народного просвещения Д.А. Толстой, поддержав мнение инспектора В.В. Радлова, резолюцией от 18 ноября 1875 г. распорядился ежегодно выделять из государственных средств 800 руб. на содержание этих русских классов при казанских медресе.

Кроме того, администрация КУО стремилась использовать на нужды русского класса средства мусульманских общин. Под угрозой закрытия Ус-

мановского медресе, власти в 1871 г. обязали попечителей школы ежегодно выплачивать учителю русского языка заработную плату в размере 150 руб.¹²

Следует отметить, что, нередко, открытие школы еще не означало ее длительного существования. Так, общество д. Петрякси Симбирской губернии в 1873 г. отказалось выделить помещение для учрежденной там 12 декабря 1871 г. русско-татарской школы. В связи с этим школа была переведена в находившуюся в пяти километрах от нее д. Новые Мочала¹³. Схожая ситуация сложилась в русско-татарском училище д. Белый Ключ Мамадышского уезда Казанской губернии, откуда школа была переведена в д. Большой Кукмор, население которого, согласно свидетельству уездного инспектора, демонстрировало положительное отношение к изучению русского языка¹⁴. Перевод русско-татарских учебных заведений в более благоприятные населенные пункты являлось для администрации КУО обычной практикой. Сохранение в результате отмеченной процедуры финансирования этих учебных заведений демонстрировало настойчивость учебного ведомства в распространении школ нового типа.

Открытие русско-татарских учебных заведений натолкнулось на сопротивление мусульманского духовенства, которые интерпретировало их учреждение как попытку христианизации татар, а также не желало «делиться» с светским учителем своим авторитетным положением в сельском обществе. В соответствии с этим руководство КУО при открытии русских классов при медресе требовало у мулл подписку о том, что они не будут препятствовать преподаванию в конфессиональных школах русского языка. В силу недостаточности отмеченной выше меры, попечитель КУО П.Д. Шестаков в письме министру народного просвещения от 11 октября 1873 г. указывал на необходимость установления такого порядка, при котором каждый вступающий на должность муллы должен был предоставлять подписку о том, что он обязуется

содействовать введению класса русского языка в руководимом им мектебе или медресе¹⁵. Более того, начальник Казанской губернии Н.Я. Скарятин в 1873 г. рекомендовал министру внутренних дел утверждать в духовной должности только тех лиц, которые давали подобную подписку¹⁶.

Администрация КУО в борьбе с противодействием мусульманского духовенства учреждению проектируемых «Правилами» 1870 г. учебных заведений для татар стремилась заручиться поддержкой верховной власти. Так, отказ приходского муллы д. Кышкар Казанского уезда Казанской губернии допустить в 1874 г. учителя русского языка в организованный на средства земства русский класс при названном медресе позволил П.Д. Шестакову ходатайствовать перед министром народного просвещения о необходимости закрыть указанное конфессиональное училище по «высочайшей воле»¹⁷. Тем самым местная учебная администрация предприняла попытку, создав прецедент, узаконить подобные действия в отношении других учебных заведений татар. Но указанная инициатива не только не встретила поддержку, но даже вызвала критику министра народного просвещения Д.А. Толстого. Его недовольство также коснулось практикуемого руководством КУО открытия русских классов при медресе без согласия татарского населения. При этом Д.А. Толстой апеллировал не к интересам татарского населения, а опасался, что подобные действия могут стать поводом к «возбуждению религиозного фанатизма». В соответствии с этим вновь было рекомендовано быть «крайне осторожным ... в делах касающихся мектебов и медресе» и действовать только путем убеждения¹⁸. Однако администрация КУО не всегда следовала указанной рекомендации МНП. Так, в 1876 г. совместными действиями местной учебной и губернской администрации была закрыта татарская школа в д. Мендели Казанского уезда Казанской губернии. Причиной этого стало «упорное сопротивление

местных обывателей открытию при ней преподавания русского языка»¹⁹.

В 1873 г. завязалась переписка относительно муллы второй мечети г. Казани С. Исакова. Предложение В.В. Радлова о введении русского языка в это медресе встретило категоричный отказ руководившего соответствующим приходом С.Исакова. С подачи П.Д. Шестакова мулла был освобожден от духовной должности и выслан из Казани²⁰.

Следует отметить, что отказ руководителей мусульманских приходов Янгүловской волости и деревень Тюнтер, Арбора Малмыжского уезда Вятской губернии от организации при медресе русского класса также дали основание В.В. Радлову 21 мая 1873 г. ходатайствовать перед министром просвещения об удалении соответствующих лиц от духовных должностей и перемещении их в другие населенные пункты.

Министр внутренних дел А.Б. Лобанов-Ростовский, считая что «столь крутая мера ... при настоящем возбужденном состоянии умов может произвести фанатизирующее влияние»²¹, выступил против высылки мулл, но признал возможным при наличии достаточных оснований смещать мусульманских священнослужителей с должности. Принимая соответствующее решение, он опирался на заключение начальника Вятской губернии, который рекомендовал обосновывать эту меру другими, не имеющими отношения к школьному вопросу аргументами²². Несколько позже в 1902 г. администрации КУО удалось добиться высылки муллы г. Тетюши Г. Биктяшева, который в соответствии с распоряжением казанского губернатора был направлен на временное жительство в г. Сызрань (Симбирская губерния)²³. Эти случаи свидетельствовали о том, что подобные решения зависели от позиций чиновников местных и центральных органов Министерства внутренних дел.

Иногда инициаторами административных мер в отношении мусульманских духовных лиц выступали учителя русского языка, что являлось следстви-

ем противостояния между ними. Последнее лежало не только в плоскости «борьбы за умы» прихожан, но было связано с материальными интересами. Так, учитель тетюшской русско-татарской школы Г. Ахмаров при поддержке некоторых местных жителей ходатайствовал об удалении от занимаемой должности сменившего Г.Биктяшева муллы Гизатуллина. Основанием стало то, что в период его руководства мусульманским приходом (1900–1902) количество учащихся из горожан сократилось и только после того как Гизатуллин оставил место службы, число местных учеников в русско-татарском училище превысило показатели предыдущих лет²⁴. Но чаще власти не могли предъявить муллам обвинение в агитации против организации школ нового типа, в силу того, что последние действовали скрыто, а местное население «не выдавало» своего духовного лидера. В свою очередь, для властей отмеченные единичные случаи «привлечения мулл к ответственности» носили своеобразный устрашительно-пропагандистский характер.

Делу распространения русского языка среди татар-мусульман пыталось оказать содействие МВД. Письмом в МНП от 26 июня 1875 г. министр внутренних дел А.Б.Лобанов-Ростовский, основываясь на том, что мектебы и медресе являются частью мечети, а строительство ее разрешается на основании общественных приговоров, предложил давать санкцию на открытие мечетей только в том случае, если мусульманские общества возьмут на себя обязательство иметь в школе учителя русского языка²⁵. Данная мера была конкретизирована В.В. Радловым, который настаивал на том, что разрешение на организацию мечетей могли получить лишь те мусульманские общины, которые в приговоре на их строительство фиксировали свое обязательство выделять средства на содержание русского класса. Сумма определялась губернской администрацией по предварительному соглашению с местными учебными властями, но не могла быть менее 200 руб. в год. Аль-

тернативой денежному взносу являлся соответствующий доход с недвижимости или какого-либо другого капитала, также направляемый в фонд русского класса при организуемой мечетской школе²⁶. Вследствие того, что проектируемые нововведения напрямую затрагивали область мусульманского культа, что могло привести к недовольству со стороны татарского населения, власти не решились на изменение существовавших порядков.

В отдельных случаях угроза закрытия конфессиональных школ устранялась благодаря вмешательству ОМДС. Так, в 1896 г. русский класс при Абдулвагаповском медресе г. Чистополя, вследствие негативного отношения к нему муллы М.И. Амирханова, посещали всего 13 шакирдов из 350 обучавшихся в медресе. В результате инициированной администрацией КУО переписки МНП с МВД, мулла М.И. Амирханов в сентябре 1896 г. был вызван в ОМДС для беседы с муфтием, сделавшим ему «должное внушение»²⁷.

Несмотря на отмеченные выше меры к 1902 г. в КУО было организовано 41 татарская школа нового типа, из которых 9 являлись русскими классами при конфессиональных школах (в Астраханской губернии — 3, Казанской — 5, Самарской — 1). При этом большая часть русских классов были организованы при медресе, русские классы были учреждены лишь при 2-х мектебах Внутренней киргизской орды. Из 32 русско-татарских училищ были открыты в губерниях: Астраханской — 1, Вятской — 10, Казанской — 11, Самарской — 2, Симбирской — 8²⁸.

В большинстве своем требования «Правил» 26 марта 1870 г. о запрещении открывать мектеб или медресе без русского класса не выполнялось, хотя были зафиксированы случаи, когда администрация КУО не допускала организацию таких школ. Например, в 1897 г. было отказано ходатайству татар д. Старо-Татарский Керемес Чистопольского уезда Казанской губернии о предоставлении разрешения на открытие конфессио-

нальной школы. Мулла д. Кугарчино Лаишевского уезда Казанской губернии А. Бакиров, выступивший с подобным заявлением в 1902 г., также не добился положительной резолюции со стороны дирекции народных училищ.

Необходимо отметить, что одной из основных причин незначительной распространенности русских классов при конфессиональных школах и русско-национальных училищ в КУО являлось отсутствие заинтересованности татар в знании русского языка. Интерес к нему возникал, преимущественно, в местностях, жители которого более активно взаимодействовали с русскоязычным населением. Вовлечение татар в общероссийский капиталистический рынок также активизировало их внимание к русско-татарским школам.

Иногда местные чиновники сами своими действиями препятствовали распространению нового типа школ среди татар. Так, исправник Мамадышского уезда Казанской губернии, полагая незаконным освобождение учителя русско-татарского училища д. Белый Ключ от воинской повинности убеждал местных татар в том, что нет необходимости в подобной школе и татарское население вполне может обойтись только конфессиональными учебными заведениями.

Источником сомнений татар в перспективах развития русско-татарских школ и русских классов при конфессиональных училищах стало высказывание казанского губернатора Полторацкого, который, разъясняя татарам о том, что предстоявшая в 1897 г. Первая всеобщая перепись имеет целью только подсчет населения, упомянул, что после ее проведения «никаких перемен ... не будет: школы (мектебы и медресе) останутся те же, которые существовали доньше, детей никто не будет заставлять учиться (русскому языку. — Ч.С.)»²⁹. Результатом отмеченного объявления, размещенного в зданиях волостных правлений, в учебных заведениях, озвученного на общинных сходах, явилось убеждение некоторых татар в том, что существо-

вавшие русско-татарские училища будут закрыты и «впредь не будет открыто ... ни одного такого училища»³⁰.

Следует сказать, что Первая всеобщая перепись 1897 г. привела к сокращению количества учащихся в русско-татарских школах КУО. Причина отмеченного выше явления, продемонстрировавшего зыбкое положение учреждаемых государством учебных заведений для татар, заключалась в том, что татары увидели в переписи опасность насильственного крещения детей.

Сферой особого внимания учебных властей было обеспечение школ нового типа учителями. На первых порах вследствие отсутствия подготовленных учителей из татар назначались лица без необходимого образования, лишь владевшие русским языком. Так, в русско-татарскую школу в д. Петрексы Курмышского уезда Симбирской губернии был определен знавший русский язык служащий почтовой конторы Г. Газев³¹. В дальнейшем, основной «кузницей кадров» для русско-татарских учебных заведений стала Казанская татарская учительская школа (далее – КТУШ).

Для того, чтобы расположить мусульман к организуемому государством учебным заведениям оренбургский муфтий С. Тевкелев в 1871 г. выступил с предложением избирать учителей русского языка для профессиональных школ из членов тех мусульманских общин, для которых предполагалось учреждение русского класса. Отмеченную меру поддержал инспектор народных училищ Казанской губернии. Более того, инспектор, пытаясь заручиться поддержкой мусульманского духовенства, признал возможным именно муллам поручить выбор учителей русского языка. Согласно его рассуждениям муллы и сами могли за определенное вознаграждение обучать детей татар-мусульман русскому языку.

Для привлечения учителей профессиональных школ к указанной деятельности В.В. Радлов в 1873 г. предложил предоставить им некоторые льготы по воинской службе в случае успешного

прохождения необходимых испытаний по русскому языку. Но рекомендуемая В.В. Радловым мера, поддержанная П.Д. Шестаковым в представлении министру народного просвещения от 23 апреля 1873 г., не получила силу закона.

Не менее важным для учебных властей был вопрос обеспечения русско-татарских школ и классов русского языка при профессиональных училищах учебной литературой. Еще в 1870 г. попечитель КУО П. Д. Шестаков отношением от 30 апреля, сообщая Н.И. Ильминскому постановления состоявшегося 2 февраля 1870 г. заседания Совета министра народного просвещения, предложил высказать свои представления относительно издания учебников для коренных народов, в том числе татар-мусульман. При составлении соответствующих рекомендаций Н.И. Ильминский исходил из следующих соображений: «татары боятся официально допустить русский язык в свои училища ... это предубеждение исчезнет еще не скоро»³². При этом он констатировал, что к изучению русского языка проявляли интерес лица, имеющие отношение к торговой сфере или претенденты на должности мулл, которые в силу своей деятельности соприкасались с административными властями. Указанная категория лиц при изучении русского языка пользовались услугами частных педагогов или занимались самостоятельно. В связи с этим Н.И. Ильминский предложил учебники для русских классов при мектебах и медресе и русско-татарских училищ составить таким образом, «чтобы они могли служить доступным пособием для самоучек»³³. При этом для большей доступности он рекомендовал грамматику русского языка объяснять в сравнении с татарской грамматикой. Соответствующие учебники должны были составляться с использованием двух языков, но объяснение грамматических правил производилось только на татарском. Практическим целям служило включение в учебники примеров переписки на русском языке с административными и частными лицами. Для дальнейшего

изучения русского языка и расширения кругозора учащихся рекомендовалось составить хрестоматию, содержащую рассказы по антропологии, географии, истории, физике, химии, естествознанию. В связи с неподготовленностью читателя Н.И. Ильминский делал акцент на доступности материала. Языком изложения являлся русский. Предполагалось, что хрестоматия могла издаваться отдельной книгой на татарском языке, но с использованием русского алфавита. Попечитель КУО П.Д. Шестаков настаивал на том, чтобы русский и татарский тексты составили бы одну книгу, в которую вводился и русско-татарский словарь. Создание указанной литературы поручалось Н.И. Ильминскому. Готовые учебные пособия должны были направляться попечителю КУО, который передавал их на рассмотрение особой комиссии. Утверждение решений комиссии и санкция на издание учебников возлагались на Попечительский совет.

В свою очередь МНП 24 февраля 1873 г. рекомендовало попечителю КУО составить «букварь для изучения русской и татарской грамоты на татарском языке, но русскими буквами и с русским переводом»³⁴. Кроме того, на русском языке должен был быть написан учебник русского языка. При этом в книгах для чтения для учащихся русско-татарских училищ и русских классов при конфессиональных школах применялись как русский, так и татарский языки. Последняя категория учебной литературы, нацеленная в том числе на общее развитие учащегося, должна была включать «рассказы нравственного содержания», статьи из отечественной и всеобщей истории, сведения по географии. Учебник по арифметике также предлагалось составить на русском языке. В случае возникновения затруднения среди учащихся в усвоении учебного материала, учитель мог провести необходимые разъяснения на родном языке учащихся. Предполагалось, что на татарский язык будут переведены лишь технические термины.

Исходя из того, что на последних этапах преподавание в русских классах при мектебах и медресе и русско-татарских школах должно было вестись на государственном языке, на русском языке в перспективе предполагалось издать хрестоматию, включавшую произведения русских писателей.

Изданные для русско-татарских школ КУО учебники, в частности «Первая книга для чтения» (Казань, 1874. — 171 с.), «Грамматика русского языка, составленная для татар восточной России» (Казань, 1873. — 114 с.) В.В. Радлова, выгодно отличались от рекомендуемых МНП тем, что тексты имели татарские переводы. Хрестоматия В.В. Радлова «Белек» также была составлена на татарском языке. Необходимо заметить, что В.В. Радлов при создании литературы для татар активно консультировался с инспекторами КТУШ М.Г. Махмудовым, Ш.И. Ахмеровым, а также К. Насыри. С 1895 г. в русско-татарские школы и русские классы при медресе КУО поступил учебник М. Иманаева «Русское слово» (Казань, 1895), состоявший из букваря, практических упражнений и хрестоматии. В нем основное внимание уделялось изучению грамматики, формированию большого запаса русских слов у учащихся. Одновременно активно практиковалась форма вопросов и ответов. Эта книга при регулярности занятий могла сформировать необходимый в быту уровень знания русского языка. Постепенно брешь в учебно-методической базе русско-татарских школ стала восполняться коллективом КТУШ, которым были подготовлены учебники по русскому языку и литературе, арифметике, методические рекомендации преподавателям. Эту деятельность активно продолжили воспитанники КТУШ. Но при всех достоинствах школьной литературы недостатком учебно-методической базы русско-татарских школ являлось отсутствие системного подхода, что обусловило разное время издания учебных пособий по отдельным дисциплинам. Также обращает внима-

ние тот факт, что инициатива создания учебников, их совершенствования, по большей части исходила не от учебных властей, а от педагогической корпорации русско-татарских учебных заведений и передовых татар, заинтересованных в просвещении народа.

Руководство КУО 29 апреля 1872 г. направило на рассмотрение МНП предложение инспектора В.В. Радлова, который исходя из того, что в связи с высоким образовательным уровнем шакирдов медресе, предлагаемое «Правилами» 26 марта 1870 г. элементарный уровень изучения русского языка не будет содействовать авторитету русского языка и науки, рекомендовал повысить требования к знанию русского языка, для того, чтобы учащиеся могли читать русскую литературу. Однако обозначенный уровень владения языком не составлял задачу МНП и Д.А. Толстой, основываясь на том, что изучение любого иностранного языка начинается с элементарных основ, а научное значение существующих медресе является преувеличенным, отказался утвердить указанную выше инициативу В.В. Радлова. Также не было одобрено предложение инспектора о необходимости дополнить курс арифметики сведениями из алгебры.

МНП в 1896 г. приступило к масштабному исследованию сферы школьного образования нерусских народов во всех учебных округах империи. В соответствии с этим, распоряжением от 30 июня попечителю КУО В.А. Попову было поручено: предоставить сведения о продолжительности обучения в русско-татарских училищах, используемых в школах таблицах недельных уроков; охарактеризовать методы преподавания русского языка, учебные пособия, на котором осуществлялось обучение каждого предмета на каждом году обучения; выяснить каких результатов достигают учащиеся в русском языке.

Отвечая на последний пункт запроса МНП, попечитель В.А. Попов, основываясь, прежде всего, на донесении директора народных училищ Казанской

губернии, писал, что учащиеся к концу второго полугодия демонстрировали «вполне удовлетворительный навык в русском разговорном языке и в сознательном чтении русских книг»³⁵. Занявший 30 июля 1899 г. пост попечителя КУО М.М. Алексеенко 9 марта 1901 г. предписал директорам народных училищ провести повторное обследование успеваемости учащихся русско-татарских школ по русскому языку. Последнее исследование показало, что большая часть учеников усваивала русский язык в незначительной степени³⁶. В дальнейшем, 4 декабря 1903 г. аналогичное распоряжение последовало от попечителя КУО С.Ф. Спешкова. Согласно донесениям большинства инспекторов народных училищ КУО русско-татарские школы и русские классы при конфессиональных учебных заведениях не достигали планируемых результатов в распространении русского языка и общего образования. Одной из причин этого являлось отсутствие единых программ преподавания. Власти, определив «Правилами» 26 марта 1870 г. предметы изучения, не составили для них учебных планов, несмотря на то, что проекты таковых были. В частности, П.Д. Шестаков в 1869 г. представил министру просвещения таблицу школьных занятий для русско-мусульманских школ.

Преподаватели русско-татарских школ и русских классов для ведения учебного процесса были вынуждены адаптировать программы начальных училищ для русскоязычного населения. Известно, что в конце XIX в. многие преподаватели использовали «Примерную программу предметов преподаваемых в начальных народных училищах ведомства МНП», утвержденную министром 7 февраля 1897 г.

В рассматриваемый период в русско-татарских школах практиковалось трехгодичное обучение с подразделением учащихся на 3 отделения (младшее, среднее, старшее). В связи с отсутствием унифицированных учебных программ, в русско-татарских училищах наблюда-

лись различия в количестве недельных уроков. Например, к 1896 г. суммарное число урочных часов во всех отделениях Астраханского русско-татарского училища составляло 84, в русско-татарской школе уездного города Малмыж Вятской губернии – 66. При этом наблюдались различия в школьных предметах и времени, отводимой на их изучение.

Тем не менее, при организации школ нового типа учебные власти учли религиозные традиции мусульман. В соответствии с ними, учащиеся посещали русский класс после завершения занятий в конфессиональных школах. В русско-татарских школах уроки вероучения проводились в утренние часы, обычно около 8–9 часов, а выходным днем была назначена пятница – традиционный день отдыха мусульман.

В конце 1902 г. руководство КУО предприняло попытку ввести единообразие в учебные программы русско-татарских школ. Так, С.Ф. Спешков предложил директорам народных училищ определить необходимые для изучения предметы и установить часовую нагрузку для каждой учебной дисциплины.

Следует обратить внимание на то, что предлагаемые директорами проекты развития русско-татарских училищ были составлены на основе донесений инспекторов народных училищ, некоторые из которых основывались не только на практическом опыте существовавших русско-татарских училищ, но и формировали свои позиции, исходя из личных встреч с муллами, земскими начальниками и рядовыми общинниками. В частности, директор народных училищ Казанской губернии рекомендовал открывать русско-татарские школы в двух отделениях с четырехлетним курсом обучения с 30 часовой урочной нагрузкой в каждом отделении, из них 24 часа отводилось на общеобразовательные дисциплины.

В 1904 г. попечитель КУО вновь поручил директорам народных училищ внести предложения по усовершенствованию преподавания в русско-татарских школах. При решении этой

задачи некоторые инспектора народных училищ консультировались у преподавателей русско-татарских школ и выдвинули предложения, нацеленные на улучшение школьного обучения татар-мусульман. Так, инспектор народных училищ Спасского и Тетюшского уездов настаивал на том, чтобы школа давала мусульманским детям некоторые практические сведения. С целью привлечения большего количества учащихся, рекомендовалось увеличить количество уроков мусульманского вероучения³⁷. Согласно мнению инспектора народных училищ Лаишевского уезда, на расширение сети русско-татарских школ могло оказать позитивное влияние увеличение переводов русских книг на татарский язык. Инспектор народных училищ г. Казани предлагал для лиц, окончивших русский класс при конфессиональной школе или одноклассное русско-татарское училище, учредить второй класс с двухлетним сроком обучения и программой второго класса двухклассных училищ МНП с «дополнительным элементарным курсом коммерческой арифметики и бухгалтерии»; выпускникам последних предоставлять возможность без экзаменов в ОМДС избираться на все мусульманские духовные должности, а также льготы по отбыванию воинской повинности, которые были установлены для выпускников двухклассных училищ МНП. Лица не моложе 18 лет, завершившие обучение в русских классах при медресе, также получали право без особого испытания быть утвержденными в должности сельских мулл. Но указанные предложения не привели к изменению сложившейся практики обучения в русско-татарских школах.

Рассмотренное выше исследование эффективности русско-татарских школ в распространении русского языка привело руководство КУО к выводам, что недостаточная результативность школ связана в том числе с тем, что полный курс этих учебных заведений проходило приблизительно 15% учащихся. При этом согласно требованиям «Правил»

26 марта 1870 г. первоначальные знания учащиеся приобретали, в основном, на родном языке. Отмеченные обстоятельства подтолкнули администрацию КУО к внедрению «натурального»³⁸ метода преподавания русского языка в русско-татарские учебные заведения. Попечитель КУО С.Ф. Спешков признав допустимой замену «переводного» метода «натуральным», в своем письме в МНП от 12 декабря 1903 г. обосновал эту мысль тем, что «метод преподавания настолько подвижен, что закреплять его законом не целесообразно»³⁹. Наконец, донесением министру народного просвещения В.В. Глазову от 6 июля 1904 г. С.Ф. Спешков открыто заявил о необходимости пересмотра «Правил» 26 марта 1870 г. Основанием для этого, по мнению попечителя, являлось то, что заложенная в основу «Правил» образовательная система «достигала миссионерских целей, но оказывалась несостоятельной в отношении объединения инородцев с коренным населением на основе государственного языка»⁴⁰.

Министр народного просвещения В.Г. Глазов 26 сентября 1904 г. распорядился о проведении ревизии учебных округов внутренней России⁴¹. В октябре — декабре 1904 г. была осуществлена ревизия Казанского, Оренбургского и Западно-Сибирского учебных округов. Проводивший проверку А.С. Будилович в течение двух недель, с 13 по 30 октября находился в Казани с целью изучения состояния «инородческого» образования в КУО. Обнаружив применение «натурального» метода в ряде русско-национальных учебных заведениях Казанской губернии и сравнив уровень успеваемости обучающихся по указанному методу с учащимися, занимающимися по «переводному» методу он пришел к выводу, что последние владеют русским языком гораздо лучше⁴². Результаты ревизии оказали влияние на организацию «Совещания по вопросам образования восточных инородцев» (1905), которое восстановило статус-кво системы Н.И. Ильминского и заложенные «Правилами» 1870 г. ме-

тоды преподавания русского языка для коренных народов, в том числе мусульман.

Подводя итоги, следует отметить, что руководство КУО изначально было вовлечено в разработку основных положений «Правил» 1870 г. В последующие годы его роль не ограничивалась исполнением предписаний «Правил» и распоряжений центральных властей. Оно вносило важные корректировки в тактический план выработанного школьного курса. Во многом они были продиктованы недочетами ряда положений «Правил» 1870 г.

Положительное значение для распространения русско-татарских школ в округе, составления и издания для них учебных пособий имело учреждение по инициативе руководства КУО должности инспектора татарских, башкирских и казахских школ, на которую был приглашен известный тюрколог В.В. Радлов. Своевременным оказалось и предложение администрации округа по вовлечению городских дум и земств в финансирование школ нового типа. При этом попытка местной учебной администрации отказаться от положений «Правил» 1870 г., связанных с использованием в процессе обучения родного языка, вызвали незамедлительную реакцию МНП, подтвердившего принципы образовательной системы Н.И. Ильминского.

Администрация КУО в своем стремлении распространить русско-татарские школы иногда прибегала к помощи губернских властей и полиции, в результате чего учебные заведения нового типа, имевшие объективно прогрессивное значение приобретали негативную оценку мусульманского населения. В ряде случаев излишняя активность местной учебной администрации по распространению специальных школ для татар сдерживалась органами МВД, для которых более приоритетным являлось сохранение общественного спокойствия.

Вследствие упразднения должности инспектора татарских, башкирских

и казахских школ (1889), контроль над русско-татарскими учебными заведениями сосредоточился у директоров и инспекторов народных училищ. Недостатком изменений в структуре управления являлось незнание большинством чиновников татарского языка, их загруженность по другим направлениям деятельности. Если первые русско-татарские школы в результате недоверия к ним татарского населения учрежда-

лись в принудительном порядке, то в дальнейшем осознание татарами необходимости знания русского языка постепенно инициировало их активность в организации этих учебных заведений. Несмотря на малочисленность, открытые в КУО русско-татарские школы сыграли положительную роль в формировании условий для желающих получить светское начальное образование и освоить русский язык.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Шестаков П. Д.* Соображения о системе образования инородцев, обитающих в губерниях Казанского учебного округа (Представление попечителя Казанского учебного округа г. министру народного просвещения от 3 декабря 1869 г. за № 379). — Б.м. Б.г. — С. 25.

² НА РТ. Ф. 92. Оп. 2. Д.642. Л. 82 об.

³ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 10290. Лл. 3 -4 об.

⁴ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 9940. Лл. 104 — 104 об.

⁵ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1 Д. 12347. Л. 24.

⁶ НА РТ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 742. Л. 24.

⁷ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 10464. Л. 13 об.

⁸ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 11513. Л. 19 об.

⁹ Материалы по истории Татарии второй половины XIX века. — М. — Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1936. — С. 44.

¹⁰ НА РТ. Ф. 92. Оп 1. Д. 16903. Л. 6.

¹¹ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 10972. Лл. 11 — 12 об., 26.

¹² НА РТ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 878. Лл. 56 — 57 об.

¹³ НА РТ. Ф.92. Оп.1. Д.11514. Лл.3, 6.

¹⁴ НА РТ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 847. Лл. 2 — 2 об., 136.

¹⁵ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 11513. Л. 25 об.

¹⁶ Материалы по истории Татарии второй половины XIX века. — М. — Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1936. — С. 315.

¹⁷ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 11933. Л. 22 об.

¹⁸ Там же. Л.26 об. — 27.

¹⁹ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 12347. Л. 66.

²⁰ *Загидуллин И.К.* Казань — центр религиозного и светского образования татар в XIX в. // Образование и просвещение в губернской Казани: Сб.статей. — Вып. 1 / отв. ред. И.К. Загидуллин, Е.А. Вишленкова. — Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2008. — С. 44.

²¹ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 10464. Л. 48.

²² НА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3539. Л. 1 об.

²³ НА РТ. Ф. 160. оп. 1. Д. 1017. Л. 182.

²⁴ НА РТ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 977. Лл. 43 -43 об.

²⁵ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 10464. Л. 47 об.

²⁶ Там же. Лл. 51 — 51 об.

²⁷ НА РТ. Ф.160. Оп.1. Д.794. Л.25.

²⁸ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 9940. Л. 69 об.

²⁹ НА РТ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 815. Л. 66.

³⁰ Там же. Л. 67.

³¹ *Ханбиков Я. И.* Русские педагоги Татарии и их роль в развитии просвещения и педагогической мысли татарского народа / Я. И. Ханбиков. — Казань: Татполиграф, 1968. — С. 51.

³² Материалы по истории Татарии второй половины XIX века. Аграрный вопрос и крестьянское движение 50—70-х годов XIX в. — М. — Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1936. — С. 295.

³³ Там же.

³⁴ Правила о мерах к образованию населяющих Россию инородцев // Мир ислама. — 1913. — Т. II. — Вып. IV. — С. 263.

³⁵ НА РТ. Ф.92. Оп.1. Д. 22452. Л. 69 об.

³⁶ НА РТ. Ф.160. Оп.1. Д.947. Л.6 об.

³⁷ НА РТ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 1038. Л. 38.

³⁸ Этот метод основывался на том же принципе, на котором ребенок учится говорить на родном языке. Схема его примерно такова: иностранное слово поясняется картинкой, затем следует переход от отдельных слов к простейшим предложениям с большим количеством вопросно-ответных упражнений, далее — чтение и письмо. Грамматический материал не разъясняется, нормы употребления языка заучиваются типовыми предложениями. Основная задача — добиться автоматизма в речевой деятельности. Преподаватель не употребляет ни одного слова на родном языке учащихся. Этим методом обучения достигалось установление прямой связи, минуя мысленный перевод на родной язык, между словом и предметом.

³⁹ НА РТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 3642. Л. 37.

⁴⁰ НА РТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 3798. Л. 37 об.

⁴¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 173. Д. 101. Л. 1.

⁴² Там же. Л. 20.

Аннотация

В статье освещаются некоторые аспекты школьной политики в отношении татар-мусульман в губерниях Казанского учебного округа в 1870–1905 гг. Особое внимание уделяется участию администрации учебного округа в разработке и корректировке нового школьного курса, основанного на «Правилах» 26 марта 1870 г. Анализируются успехи и промахи учебного ведомства в организации русско-татарских училищ и русских классов при мусульманских конфессиональных школах, отношение к ним татарского населения. Рассматриваются такие компоненты функционирования русско-татарских школ, как школьные программы, учебные пособия, подготовка преподавательских кадров.

Ключевые слова: Казанский учебный округ, школьная политика, русско-татарские училища, русские классы, мектебы, медресе, татары, мусульмане.

Summary

The article deals with some aspects of school policy in relation to Tatars-Muslims in provinces of the Kazan educational district (okrug) in 1870–1905. Particular attention is paid to the participation of the educational district (okrug) authorities in the development and correction of a new school course based on «Regulations» from March 26, 1870. The progress and errors of the educational department in the organization of Russian-and-Tatar specialized schools and Russian classes under the Muslim confessional schools, the attitude of the Tatar population to them are analyzed. Such components of Russian-and-Tatar schools functioning as school programs, teaching aids, the teaching personnel training are considered.